

УДК 94(47).084.8

**ТРУДОВЫЕ ПОВИННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ, 1941—1944 ГГ.**

Е.А.Сидорова

**LABOUR DUTY OF LENINGRAD REGION POPULATION DURING THE GERMAN OCCUPATION
(1941—1944)**

E.A.Sidorova

Санкт-Петербургский государственный университет, siborge@yandex.ru

Исследуется такой важный аспект немецкой оккупационной политики, как использование труда местного населения для обеспечения нужд немецкой армии. Автор исследует многообразие трудовых повинностей, которым подвергались жители оккупированных районов Ленинградской области, особенности условий труда, размер заработной платы, а также систему органов управления трудовыми отношениями.

Ключевые слова: *оккупация, Ленинградская область, трудовая повинность, трудоспособное население, биржа труда, рабочий паспорт*

This article is devoted to the research of using Leningrad region population as a labour force during the German occupation in the Second World War. The labour of Soviet citizens was used for ensuring needs of the German army. The author investigates the variety of works, features of work conditions, salary size, and the system of occupation government agencies.

Keywords: *occupation, Leningrad region, labour duty, employable population, employment agency, labour's passport*

В проекте экономического ограбления захваченных территорий, разработанном еще до войны под руководством уполномоченного по проведению четырехлетнего плана Г.Геринга и именуемого «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» («Зеленая папка» Геринга), говорится: «Сразу же после

начала наступления необходимо привлекать к работе пригодных для этого местных жителей, в особенности для предварительного восстановления путей сообщения, ликвидации последствий разрушений, очистки населенных пунктов, пострадавших от военных действий, устройства временных помещений для войск и т.д.» [1, с. 32].

Для населения оккупированных районов приказом рейхсминистра оккупированных восточных областей А.Розенберга от 5 августа 1941 г. вводилась обязательная трудовая повинность [2]. Привлечение к работам местного населения и военнопленных организовывала Хозяйственная инспекция «Север» во главе с полковником авиации Беккером, располагавшаяся вместе со штабом группы армий в Пскове и имеющая в своем составе 8 хозяйственных команд в различных пунктах области. В течение осени — зимы 1941/1942 г. путем разнообразных регистраций было взято на учет все трудоспособное население захваченных территорий [2]. Оккупационные власти через организованные биржи труда мобилизовывали население на выполнение работ по строительству и ремонту дорог, мостов, оборонительных сооружений, уборке урожая, расчистке снега, на лесозаготовках, торфоразработках и т.д. На хозяйственную инспекцию «Север» также была возложена задача найма жителей для отправки на работы в Германию [3].

Трудовые отношения на территории захваченных районов Ленинградской области определялись прежде всего «Постановлением об урегулировании рабочих правил» («Постановление о планомерной организации труда») от 5 мая 1942 г. и «Постановлением к урегулированию определения рабочих на место труда» от 27 июля 1942 г. Согласно вышеназванным Постановлениям все трудоспособное население занятых территорий в возрасте от 14 до 65 лет подлежало трудовой повинности, но в определенных условиях (в частности, для проведения сельскохозяйственных работ) к труду могли привлекаться лица и младше 14 лет. Следует отметить, что возраст трудоспособного населения не всегда совпадал с указанным в вышеназванных постановлениях. Согласно приказу комендатуры Славковичи от 1 сентября 1941 г., работать должны были все граждане обоего пола в возрасте от 12 до 70 лет [4].

Устройство на работу осуществлялось посредством бирж труда. Для определения на работы вводились рабочие паспорта, имевшие силу только при наличии удостоверения личности. Биржи труда назначали населению так называемые рабочие отношения, или наряды на выполнение каких бы то ни было работ. По окончании рабочего отношения работник обязан был немедленно явиться на биржу труда для получения новой работы. Работодатели отмечали в рабочем паспорте время начала и окончания рабочего отношения. За потерю рабочего паспорта полагался штраф в размере от 50 до 500 руб. [5-7].

При необходимости проведения безотлагательных работ биржи труда имели право прекращать действующие рабочие отношения, причем прежний работодатель не мог требовать возмещения убытков. Работодатель также не имел возможности без согласия биржи труда разорвать договор с рабочими. За невыполнение предписаний биржи труда полагались денежный штраф и/или тюремное заключение на срок до 6 месяцев, если, конечно, работник не обвинялся в саботаже. Вместо заключения «провинившегося» могли также привлечь к принудительным работам [8].

Рабочие паспорта представляли собой картонную книжку, текст в которой был отпечатан типограф-

ским способом на русском и немецком языках. Помимо правил, дублирующих положения вышеназванных Постановлений, в паспорте указывались фамилия, имя и отчество работника, дата и место его рождения, место жительства, семейное положение с упоминанием количества детей, профессия. Внутри рабочий паспорт был разлинован на десять одинаковых секторов, в каждом из которых содержался следующий текст: «Работал с ____ 1942 до ____ в качестве ____ у ____ Число, печать ____» [9].

Население обязано было ежемесячно проходить регистрацию в ближайшем управлении труда. Для этого на каждого трудоспособного жителя заводилась регистрационная карточка с указанием его фамилии, имени, отчества, года рождения, профессии, места жительства, семейного положения и даже года рождения детей. Регистрационные карточки были выполнены на русском и немецком языках, на оборотной стороне каждый месяц проставлялись печати [10].

Поступающие на работу давали обязательство, текст которого был напечатан по-русски и по-немецки в форме присяги, где обещали ежедневно добросовестно выполнять работу положенное количество часов, «не делать сознательно ошибок», не портить рабочий инвентарь и оборудование. Работник также обязывался сообщать об известных ему случаях саботажа, в том числе и о «подстрекательстве» к нему. В случае нарушения данных обязательств работнику грозило судебное преследование [11].

Подобные обязательства могли высылаться старшинам волостей со списком граждан. В таком случае работник подписывал два экземпляра обязательств, один из которых отправлялся в Отдел труда, другой же оставался у адресата. С этим обязательством работник являлся в указанное время в Отдел труда для отправки на работу [12].

Предприятия могли посылать на биржи труда свои пожелания относительно будущих работников, для чего имелись специальные бланки — «Arbeitseinsatz / Назначение рабочих сил». Бланк представлял собой анкету, где владелец предприятия указывал время, на которое требовались трудящиеся, а также отмечал в анкете особые пожелания к работнику. Работодатель выбирал периодичность начисления заработной платы — часовую, понедельную или помесечную, договаривался, оплачивает ли он расходы работника на проезд, обеспечивает ли он ночлег и пропитание и каковы отчисления с зарплаты за ночлег и пропитание, если последние не предоставляются бесплатно [13].

При надобности рабочей силы для выполнения той или иной работы старостам деревень рассылались соответствующие предписания. На основании подобных документов можно в определенной мере судить об условиях труда местного населения. Так, жители пос. Молосковицы (Волосовский район) работали на расчистке снега без выходных и (кроме заработной платы в размере 1 руб. в час) снабжались пайком, стоимость которого вычиталась из заработанных денег и составляла 6 руб. в день [14].

Большое внимание оккупационные власти уделяли выполнению лесозаготовок, продукция которых шла в первую очередь на нужды немецкой армии и

местной администрации. Условия труда на подобных работах были необычайно тяжелы. Например, в Тосненском районе рабочие должны были трудиться с 6 часов утра и дотемна, за что получали всего по 200 г хлеба-суррогата [15].

Очень беспокоил немецкие власти вопрос содержания дорог и мостов. Старостам деревень рассылались приказы, в которых предписывалось очищать дороги от снега и посыпать их песком. Объединенные в группы рабочие должны были расчищать пути для стока воды вдоль дорог и мостов и убирать завалы снега, а также заготавливать фашинные вязки — связки хвороста, использовавшиеся для заполнения противотанковых рвов и устройства гатей на болотах [16].

Местное население несло службу по охране железных дорог от партизан. Так, в приказе по Стругокрасненскому району от 1 августа 1942 г. предусматривалась охрана железной дороги 1—4 августа двумя людьми на километр, а 4—10 августа — одним человеком. С 16 сентября в вечернее время, начиная с 19.00, охрана была увеличена до 5 человек на 1 км, что могло быть связано с проведением Синявинской наступательной операции, проводившейся в это время войсками Ленинградского и Волховского фронтов. Привлекались для охраны железных дорог и женщины с 18 до 60 лет. Несмотря на это, немецкие власти были вынуждены констатировать, что охрана осуществляется плохо, ее участники стоят не через равные промежутки, а «сходятся для разговоров». В случае приближения партизан «охранникам» зачастую нечем было оповестить соседей, если, конечно, они вообще собирались это делать. Нередкими были случаи гибели «охранников» под колесами поездов.

Труд местного населения, как уже отмечалось выше, оплачивался крайне низко. Судя по «Ведомости на выплату зарплаты возчикам на вывозке дров для бани», работники получали 2,5 руб. в час [17]. За работы по восстановлению Пскова устанавливалась следующая заработная плата «для лиц старше 18 лет»: чернорабочие — 1 руб. в час, специалисты — 1 руб. 70 коп., мастера и десятник — 2 руб. 50 коп. [18].

Для сравнения приведем размеры заработной платы служащих местной администрации. Так оклад бургомистра Красного Села Н.Адамсона составлял 1400 руб. (август 1943 г.) [19], оклад старшины Меженского сельского управления на ноябрь 1941 г. — 700 руб. [20].

Зарплаты деревенских старост отличались в зависимости от численности населения деревень [21]. В Солецком районе устанавливались следующие ставки заработных плат: в селениях до 10 хозяйств — 30 руб., от 11 до 20 хозяйств — 50 руб., от 21 до 30 хозяйств — 80 руб., от 31 до 40 хозяйств — 100 руб., от 41 до 60 руб. — 150 руб., свыше 60 хозяйств — 180 руб. [22].

Невыходом трудящихся на работу занималась полиция, информацию которой представляли сельские старосты. Несмотря на объявлявшиеся наказания за неявку на работу, нередко были случаи прогулов. Сланцевская комендатура 5 октября 1942 г. отмечала: «При каждой отлучке от места своей работы возникает подозрение, что такой рабочий саботирует строительство Германского Командования или что он состоит в связи с вооруженными бандитами» (т.е. партизанами).

Оккупационные власти предупреждали, что каждый рабочий, нарушивший свой «долг», будет рассматриваться как саботажник и сообщник партизан и подлежит расстрелу [23]. Волостные старшины несли ответственность за невыход жителей подконтрольной им территории на работы. Сохранился приказ, в котором был объявлен выговор с предупреждением трем волостным старшинам за невыполнение приказа о вывозке дров [24].

Трудом местного населения в первую очередь обеспечивались нужды немецкой армии: например, снабжение топливом, благоустройство коммуникаций. Частые случаи невыхода на работу говорят о малой заинтересованности населения в труде на благо захватчиков. Жители работали под страхом наказания, а не за провозглашавшиеся для них немецким командованием «блага». Тяжелый труд и жестокие наказания стали одним из факторов усиливающегося народного сопротивления захватчикам. Ширился саботаж населением мероприятий оккупационных властей, перераставший в диверсии. К примеру, по указанию Гдовского межрайонного подпольного центра в реке Плюссе была затоплена большая часть заготовленной древесины [15, с. 403], а из-за участвовавших диверсий на железной дороге немцы были вынуждены заменить всех советских рабочих своими железнодорожниками. Местное население активно пополняло ряды подпольных организаций и партизанских отрядов, внесших значительный вклад в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками.

1. Леонтьев А. «Зеленая папка» Геринга. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1942. 46 с.
2. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941—1944. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. С. 165.
3. Кулик С.В. Особенности оккупационного режима и отношение гитлеровцев к советским гражданам // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 28—31.
4. ЦГАИПД СПб (Центральный государственный архив историко-политических документов, г. Санкт-Петербург). Ф. 0-116. Оп. 2. Д. 16. Л. 3.
5. ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 666. Л. 17.
6. ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 647. Л. 2.
7. ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 2. Д. 34. Л. 2.
8. ЦГА СПб. Ф. 3355. Оп. 1. Д. 81. Л. 1.
9. ЦГА СПб. Оп. 12. Д. 1. Л. 1-1 об.
10. ЦГА СПб. Оп. 4. Д. 58. Л. 4-4 об.
11. ЦГА СПб. Оп. 1. Д. 81. Л. 3.
12. ГАПО (Государственный архив Псковской области). Ф. Р-1632. Оп. 1. Д. 16. Л. 6.
13. ЦГА СПб. Ф. 3355. Оп. 2. Д. 16. Л. 41а—41а об.
14. ЦГА СПб. Оп. 1. Д. 26а. Л. 31.
15. Петров Ю.П. Партизанское движение в Ленинградской области, 1941—1944. Л.: Лениздат, 1973. С. 71-72.
16. ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 2. Д. 16. Л. 51.
17. ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 2. Д. 34. Л. 55.
18. ГАПО. Ф. Р-1632. Оп. 1. Д. 16. Л. 13.
19. ЦГА СПб. Ф. 3355. Оп. 5. Д. 1. Л. 1.
20. ГАНО (Государственный архив Новгородской области). Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
21. Кулик С.В. Особенности оккупационного режима и отношение гитлеровцев к советским гражданам // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 29.
22. ГАНО. Ф. Р-2113. Оп. 1. Д. 6. Л. 75.
23. ЦГА СПб. Ф. 3355. Оп. 12. Д. 35. Л. 4 об.
24. ГАПО. Ф. Р-1632. Оп. 1. Д. 1. Л. 5

References

1. Leont'ev A. «Zelenaia papka» Geringa [Göring's "Green Folder"]. Moscow, "Gospolitizdat" Publ., 1942, p. 32.
2. Kovalev B.N. Natsistskaia okkupatsiia i kollaboratsionizm v Rossii, 1941—1944 [The Nazi Occupation and collaborationism in Russia (1941—1944)]. Moscow, AST: Tranzitkniga Publ., 2004, p. 165.
3. Kulik S.V. Osobennosti okkupatsionnogo rezhima i otnoshenie gitlerovtsev k sovetskim grazhdanam [Features of the occupational regime and the Hitlerites' attitude to the Soviet citizens]. Voenno-istoricheskii zhurnal — Military Historical Journal, 2007, no. 1, pp. 28—31.
4. Central State Archive of St. Petersburg (TsGA SPb), Fund 3355, Inventory 1, File 81, fol. 1.
5. Central State Archive of Historico-Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb), Fund 0-116, Inventory 2, File 16, fol. 3.
6. Central State Archive of Historico-Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb), Fund 0-116, Inventory 9, File 666, fol. 17; File 647, fol. 2;
7. Central State Archive of Historico-Political Documents of St. Petersburg, Inventory 2, File 34, fol. 2.
8. Central State Archive of St. Petersburg (TsGA SPb), Fund 3355, Inventory 1, File 81, fol. 1.
9. Central State Archive of St. Petersburg (TsGA SPb), Fund 3355, Inventory 12, File 1, fols. 1—1v.
10. Central State Archive of St. Petersburg (TsGA SPb), Fund 3355, Inventory 4, File 58, fols. 4—4v.
11. Central State Archive of St. Petersburg (TsGA SPb), Fund 3355, Inventory 1, File 81, fol. 3.
12. State Archive of Pskov Region (GAPO), Fund P-1632, Inventory 1, File 16, fol. 6.
13. Central State Archive of St. Petersburg (TsGA SPb), Fund 3355, Inventory 2, File 16, fols. 41a—41av.
14. Central State Archive of St. Petersburg (TsGA SPb), Fund 3355, Inventory 1, File 26a, fol. 31.
15. Petrov Iu.P. Partizanskoe dvizhenie v Leningradskoi oblasti, 1941—1944 [Partisan movement in Leningrad region (1941—1944)]. Leningrad, "Lenizdat" Publ., 1973, pp. 71—72.
16. Central State Archive of Historico-Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb), Fund 0-116, Inventory 2, File 16, fol. 51; File 34, fol. 55.
17. Central State Archive of Historico-Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb), Fund 0-116, Inventory 2, File 34, fol. 88.
18. State Archive of Pskov Region (GAPO), Fund P-1632, Inventory 1, File 16, fol. 13.
19. Central State Archive of St. Petersburg (TsGA SPb), Fund 3355, Inventory 5, File 1, fol. 1.
20. State Archive of Novgorod Region (GANO), Fund P-2109, Inventory 1, File 1, fol. 7.
21. Kulik S.V. Osobennosti okkupatsionnogo rezhima i otnoshenie gitlerovtsev k sovetskim grazhdanam [Features of the occupational regime and the Hitlerites' attitude to the Soviet citizens]. Voenno-istoricheskii zhurnal — Military Historical Journal, 2007, no. 1, p. 29.
22. State Archive of Novgorod Region (GANO), Fund P-2113, Inventory 1, File 6, fol. 75.
23. Central State Archive of St. Petersburg (TsGA SPb), Fund 3355, Inventory 12, File 35, fol. 4v.
24. State Archive of Pskov Region (GAPO), Fund P-1632, Inventory 1, File 1, fol. 5.